

ЧАЙ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ КАК МЕТАФОРА КУКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ В РОМАНЕ А.С. БАЙЕТТ «ДЕТСКАЯ КНИГА»

А.Н.Лобанова (Минск, БГУ)

В статье раскрывается суть метафоры кукольной жизни, представленной чаем из одуванчиков, в романе А.С. Байетт, проводятся параллели с вином из одуванчиков из одноименного романа Р. Брэдбери.

Ключевые слова: *детство; куклы; марионетки; одуванчики; сказки; чаепития; чай.*

TEA AS A PUPPET LIFE METAPHOR IN THE CHILDREN'S BOOK BY A.S. BYATT

А.М. Labanova (Minsk, BSU)

The article explains the puppet life metaphor represented in *The Children's Book* by A.S. Byatt by dandelion tea, analyzes parallels to dandelion wine in the novel with the same title by R. Bradbury.

Key words: *childhood; dolls; puppets; dandelions; fairy tales; tea-parties; tea.*

Особое отношение англичан к чаю является одним из самых узнаваемых стереотипов в мире. И в произведении английской писательницы А.С. Байетт «Детская книга» (*The Children's Book*, 2009) персонажи-англичане отвечают на самые разные события одним и тем же способом – чашечкой чая. Чаем Уэллвуды и другие герои романа приветствуют гостей: «Он [Том] впустил Дороти, развел огонь в печурке и торжественно заварил чай из ежевичных листьев собственной сушки» [1]. Так они реагируют и на новости о смерти: «Таких людей больше нет и не будет, говорил Василий Татарин, пока семейство Уэллвуд распоряжалось насчет чая и пытались помочь анархисту прийти в себя» [1].

Английский обычай в романе Байетт соединяется с аллюзией на «Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери. «Пойманное и закупоренное в бутылки лето» [2] благодаря знаменитому роману стало символом детства, веры в прекрасное будущее, основанное на чудесном настоящем: «Ведь это лето непременно будет летом неожиданных чудес, и надо все их сберечь и где-то отложить для себя, чтобы после, в любой час, когда вздумаешь, пробраться на цыпочках во влажный сумрак и протянуть руку» [2]. Столкнувшись с трудностями и проблемами во взрослой жизни, человек может найти опору в воспоминаниях о своей семье, о тепле и любви, которые ему в детстве подарили родители. У юных Уэллвудов есть все для счастья, что особенно заметно в сравнении с мальчиком Филипом, сбежавшим из дома от судьбы шахтера и попавшим в семью эксцентричного горшечника Бенедикта Фладда.

В «Жабьей просеке» растет великое множество трав, и мир ее обитателей наполнен первоцветами, диким чесноком и одуванчиками, как мир Дугласа и Тома у Брэдбери, как волшебный лес у Шекспира. Одуванчики постоянно присутствуют в «Детской книге», сопутствуют Олив и топосу сада и леса и символизируют сказочность, утопичность воззрений старшего поколения, апогеем которых становится жизнь Олив в собственных сказках. Она начинает

подменять ими реальность и отгораживаться от всех проблем: измен мужа, воспитания детей, недопонимания в семье, странных отношений с сестрой-приживалкой и др. Идиллия превращается в утопию, утопия – в трагикомедию, трагикомедия – трагедию. Разница между «Вином из одуванчиков» и «Детской книгой» в том, что у Байетт взрослые не могут вырасти из своего сказочного мира, придуманного ими для своего же удобства и вовсе не рассчитанного на изменения. Взрослые сначала ставят театральные постановки в саду, а потом сами же ощущают себя куклами и марионетками, а не творцами собственных судеб.

Самый наглядный пример этому – сказка под названием «Человечки в домике в домике», которая была реакцией Олив на интервью, проведенное в ее доме, где она изображала не только идеальную хозяйку, но и идеальную мать. Эта история о том, как девочка нашла в парке маленьких человечков и захотела забрать их в свой кукольный домик, где их ждала бы лучшая жизнь: ведь, по ее мнению, «розовые шелковистые покои кукольного домика» [1] были лучше «мрачного потайного мира» [1], где они обитали. Девочка словила человечков и перенесла их в домик. Она угощала их лимонадом, изысканными сладостями и обычной овсянкой, дарила им бальные платья и красивые кукольные курточки, но как девочка ни старалась, они не хотели с ней играть и принимать ее подарки, из-за чего она стала чувствовать себя чудовищем. И однажды, когда она осталась одна, ее собственный дом унесла девочка-великан и она сама стала пленницей, которой пытались дарить подарки и с которой хотели играть. Только тогда девочка поняла, как жестоко поступила с человечками, и, раскаявшись, принялась просить у них прощения. В конце истории именно маленькие человечки помогают сбежать «юному чудовищу», как они называют девочку, из дома великанши.

В этой сказке Олив исследует свои чувства от того, что можно быть марионеткой даже тогда, когда ощущаешь себя кукловодом, и того, что иногда добро, которое мы пытаемся навязать другим, на самом деле приносит им боль и страдания. В мире ее сказок Олив является главным божеством, диктующим правила этой реальности, тогда как в настоящем мире оказывается, что она не контролирует ничего и, словно маленькая девочка, не подготовленная к жизни, она сбегает туда, где ей комфортнее. Окружающие полагают, что чем больше внимания Олив уделяет сказкам для своих детей (а для каждого ребенка она пишет отдельную будто бы бесконечную историю, где он главный герой), тем больше она их любит. Но под предлогом того, что она пишет сказки для своих детей, она пишет сказки о тех их версиях, которые сама хочет видеть. И такое проявление любви, губительно-идеализированное, приводит к тому, что она своих детей теряет: Том, как мальчик, который не хотел вырасти, умирает в реальности и продолжает жить в мире сказок, а Дороти, стремившаяся стать доктором и быть полезной, умирает в своей сказке, но именно это помогает ей понять, какой мир более реален, и выбрать свой собственный путь, практически разорвав отношения с матерью.

Кукольность чаепитий особенно заметна в Перчейз-Хаузе, в семействе Фладдов. Мастер-горшечник держит в покорности и страхе жену Серафиту и двух дочерей. Они красивы, как куклы, ко всему равнодушны и пассивны, будто очарованные принцессы. «...Она [Серафита] слегка пожала плечами, взяла себя в руки и произнесла “Бедная Элси!” ненатуральным, вежливым, светским тоном, словно за чайным столом, хотя чаю гостям так и не предложила» [1], – в этом кукольном мире не важно, есть ли чай на самом деле, или все только ведут себя так, будто он есть.

Кульминацией кукольных чаепитий можно назвать момент, где малышка Энн приглашает Чарльза Уэллвуда, проезжавшего мимо по дороге, которая никуда не ведет, на чай с пирогом, где остальными гостями являются куклы и игрушечные звери, а чашечки украшены одуванчиками. На этом «чаепитии понарошку» [1] Чарльз, Элси и Энн «играют в семью», но затем и до этого мира доносится грохот реальности и Чарльз уезжает на войну. Каждый из детей, описанных в романе, либо повзрослеет на этой войне, либо умрет. И для многих из них одно неразрывно связано с другим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байетт, А.С. Детская книга / А.С. Байетт ; пер. с англ. Т. Боровиковой. – М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. – 832 с.
2. Брэдбери, Р. Вино из одуванчиков. Электронный ресурс. Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/bredberi_ryei/page22/vino_iz_oduvanchikov.html